

год в Новгороде и была вызвана исключительно сложной внутрисполитической обстановкой.

В. Л. Янин установил, что в конце XIII в. возникает новая схема отношений князя и города, и склоняется к тому, что все эти отношения сложились фактически уже при Дмитрии Александровиче, но закреплены были рядом и крестоцелованием его брата и преемника Андрея Александровича в 1294 г.²⁵

Отчет послов дает яркую иллюстрацию действий боярства в борьбе за ограничение власти князя. Именно поэтому он не может служить для характеристики нормального применения договорных статей в процедуре высшего судилища Новгорода Великого в XIII в.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПСКОВСКИЕ КУПЧИЕ XIV—XV вв.

Выдающееся открытие Л. М. Марасиновой, обнаружившей и издавшей около 30 псковских актов XIV—XV вв.,¹ дает возможность по-новому подойти к земельным актам Пскова, в частности к купчим грамотам. Теперь нам известно 11 псковских купчих (9 из которых впервые введены в научный оборот Л. М. Марасиновой).

Изучение псковских купчих имеет двойное значение. Во-первых, благодаря своим специфическим особенностям они представляют большой интерес с точки зрения дипломатики. Во-вторых, они интересны по своему содержанию, так как отражают важные процессы в истории развития феодальных отношений на землях Господина Пскова.

Псковские купчие грамоты, как правило, состоят из трех клаузул и удостоверительной части.² Первая клаузула начинается со слов «Се куписе...» и устанавливает самый факт купли. Эта клаузула имеет наиболее существенное содержание. Она состоит из трех элементов: 1) имени покупателя, 2) имени продавца, 3) обозначения объекта сделки. Социальное лицо покупателя и продавца, а также состав и характер объекта сделки остаются в большинстве случаев не раскрытыми и могут быть определены только путем анализа всей купчей в целом.

Вторая клаузула начинается со слов «А межа той земле...» или «А завод той земли...» и содержит сведения о границах покупаемого владения. Эта клаузула встречается в 9 купчих.

²⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 165—166.

¹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

² Общие сведения о дипломатике псковских купчих приведены у Л. М. Марасиновой (Новые псковские грамоты..., с. 35—37).

Благодаря ей можно в ряде случаев уточнить состав и местоположение объекта сделки.

Третья клаузула посвящена условиям сделки. Она содержится в 10 купчих, в шести случаях идет после второй клаузулы, в трех — после первой, в одном — слита со второй клаузулой. Особенность этой клаузулы — чрезвычайная краткость и однообразие ее содержания. Почти во всех случаях оно исчерпывается формулой: «А та купля... в одерень». Однако, несмотря на свою краткость, содержание этой формулы имеет существенно важное значение. «В одерень» значит в полное и безусловное распоряжение покупателя. Этой формулой устанавливается, таким образом, переход земли из собственности продавца в собственность покупателя. Возможность таких сделок говорит о далеко зашедшем процессе освоения земли в частную индивидуальную собственность. Социально-экономическое содержание этой собственности может быть раскрыто опять-таки только путем изучения всего акта как целого.

Уникальная черта псковских купчих — отсутствие сведений о цене сделки. Насколько известно, во всех остальных русских землях указание цены является обязательным элементом купчей.³ Не является ли отсутствие этого элемента в псковских купчих пережитком старых отношений, старых взглядов на землю как на нечто не отчуждаемое за деньги? В таком случае можно предположить, что псковские купчие наиболее архаичны по своему формуляру.⁴

Особенностью псковских купчих является также отсутствие формулы типа «что к той деревне (земле) потягло» или «куда его (мой) топор, соха и коса ходила», общепотребительной в других местах.

Удостоверительная часть купчей называет имена послухов: «А на то люди...». Она содержится в восьми актах. В двух случаях названо по одному послуху, в пяти — по два, в одном случае — три послуха. В четырех актах послухи названы «людьми». В семи случаях они именуется с отчеством или прозвищем, в том числе двое — с «вичем». В трех случаях указано социальное лицо послухов: судья, дьяк, поп. В трех купчих послухи отсутствуют. Но в одном из этих случаев до нас дошел только пересказ купчей, а в двух других отсутствие послухов вызвано особыми обстоятельствами. Присутствие послухов при заключении земельной сделки было, по-видимому, обязательным.

Основным свойством акта как исторического источника является его способность к отражению реальной исторической действительности, преимущественно социально-экономических от-

³ Ср., например, многочисленные двинские купчие XIV—XV вв., изданные в составе «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (М.—Л., 1949). — Далее — ГНП.

⁴ На «лаконичность» формуляра псковских купчих обратила внимание Л. М. Марасинова (Новые псковские грамоты..., с. 37).

ношений. Какова же та действительность, которая отразилась в псковских купчих?

Одна из купчих грамот посвящена сделке на землю между литовским князем Скирмайлом и Господином Псковом.⁵ Этот весьма интересный и сложный по характеру документ, в котором сливаются черты частнопрового и публичноправового актов, в предлагаемой статье не рассматривается. Остальные известные нам купчие отражают сделки, заключенные, по-видимому, между жителями Псковской земли, т. е. являются частнопровыми актами в полном смысле этого слова.

Купчая Власия на пожню у речки Кудепи может быть рассмотрена как пример сделки на отдельное угодье.⁶

Первая клаузула лаконична: «Се купиша Власей у Настасья у Василя Вязеня пожню на Кудепи». На основании этой клаузулы ни о покупателе, ни о продавце ничего сказать нельзя. Обращает только на себя внимание тройное имя продавца; далее, в 3-й клаузуле, он назван одним именем — «Настах». По методу исключения можно предположить, что контрагенты — не церковнослужители и не относятся к самым верхам псковского общества — к посадникам. Объект сделки — пожня на левом притоке р. Великой, в 25—30 км к югу от Пскова.⁷ Пожня, по-видимому, небольшая — у нее нет собственного имени. Местоположение купли уточняется второй клаузулой: «А межа той пожни: от броду по заор Духа святого возле Вознесенские земли у броду, да по Кудепи вверх по броду до того ж места». Пожня, купленная Власием, лежит, следовательно, между землями (пахнями) двух монастырей — Св. Духа и Вознесения и р. Кудепью. Никаких других владений поблизости нет. Это отхожая пожня, лежащая в стороне от основного хозяйственного комплекса владельца. Это и понятно — пожня на берегу реки особенно ценится как заливной луг. Существенно другое — пожня граничит только с землями монастырей. Оба названных в купчей монастыря находятся в Пскове. Их пашины на Кудепи свидетельствуют о проникновении монастырского землевладения в этот район Псковской земли. Пожня Настаха, продаваемая теперь Власию, не имеет, таким образом, никаких территориальных связей с землями и пожнями местных жителей. Если эти связи и были, то они утрачены вследствие появления здесь владений псковских монастырей. К этим монастырям и перешли тем или иным способом земли и пожни местных жителей на Кудепи.

Третья клаузула («а та купля Власья у Настаха в одерень») стандартна. Удостоверительная часть грамоты неясна: «А на то люди Нестера Печатникова». Какие люди? Возможно, читалось

⁵ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 1, с. 46—47.

⁶ Там же, № 13, с. 56.

⁷ Там же, с. 109, 124 (карта). — Л. М. Марасинова явно по недоразумению называет р. Кудепь правым притоком Великой (с. 109), чему противоречит составленная ею же карта.

«Нестере Печатникове». Такая грамматически соответствующая не именительному, а звательному падежу форма имени послуха встречается в псковских грамотах.⁸

К подлинной харатейной грамоте была подвешена свинцовая печать — сделка носила вполне официальный, заверенный властями характер.

Кто же такие Власий и Настах? Как видим, ответить на этот вопрос весьма трудно вследствие крайней лаконичности документа. Один из них или оба могут быть как псковитинами, владеющими дальними отхожими пожнями, так и местными жителями, еще удерживающими в своих руках приречные угодья. Но во всяком случае отношения между ними не укладываются в рамки ст. 9-й ПСГ. Это не «суседи», споры между которыми решаются без предъявления каких-либо документов, по слову и памяти соседей-общинников. Это полные частные собственники, опирающиеся на письменный акт, составленный по всей форме и соответствующий букве и духу суда о земле по грамотам, отраженного в ст. 10—12-й ПСГ.^{8а} Никаких признаков принадлежности пожни на Кудеши к общинным землям не обнаруживается. Кто бы ни были Власий и Настах, псковские горожане-своеземцы или местные мелкие вотчинники, связи их с какой-либо общиной не проявляются; они действуют совершенно самостоятельно. Не вызывает сомнений дальнейшая судьба купленной пожни: окруженная землями монастырей, она рано или поздно перейдет в руки последних. Об этом свидетельствует тот факт, что о купчей Власия мы знаем из судного дела XVII в. между Духовым и Старо-Вознесенским монастырями: к этому делу строительницей Духова монастыря и был подан «с харатейной даной список», попавший таким путем в столбцы Поместного приказа. Однако переход пожни в руки монастыря — дело будущего. Пока же перед нами сделка на небольшое угодье, совершенная между двумя, по-видимому рядовыми, землевладельцами. И объект сделки, и контрагенты ничем не примечательны. Такая сделка, — вероятно, повседневное явление в жизни псковского общества XIV—XV вв.

Подобный характер носит и купчая Анфима.⁹ Первая купчая этой купчей называет покупателя («Анфиме») и продавца («у Тимофея»), о которых больше ничего не известно. Сама купчая — «нива на Мирожь реки». «Нивой» в Псковской судной грамоте называется пахотная земля.¹⁰ В псковских актах под ни-

⁸ Смене Григориниць (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 2), Тарасе Лескневиць (№ 4), Федор Дроздове (№ 20), Нестере Дерягине да Иване Гаврилов (№ 21).

^{8а} О разных формах суда о земле и оформления земельной собственности по ПСГ см.: Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, [т.] VI. Л., 1974, с. 125—141.

⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 21, с. 61.

¹⁰ «...нивы розстрадни» (Псковская судная грамота. Памятники русского права, вып. 2. М., 1953 (далее — ПСГ), ст. 9).

вой понимается отдельный участок пашни, жеребей или лоскут.¹¹ Следовательно, в отличие от купчей Власия здесь объектом сделки является не угодье, а маленький участок пашни, не имеющий собственного имени.

Согласно второй клаузуле, нива граничит «со Омельяном межею до Спасской земли, да посеред розлога да в Мирожу реку» (розлог — овраг). Лоскут земли, покупаемый Анфимом, расположен, таким образом, чересполосно с землями других владельцев, в том числе Спасо-Мирожского монастыря. Владения Анфима и Тимофея, как и их соседей, состояли, видимо, из подобных лоскутов, разбросанных между нивами и пожнями других собственников — светских лиц и монастырей.

У купчей двое послухов («люди»): Нестере Дерягин и Иване Гаврилов сын. Любопытная черта купчей — точная дата, приведенная в конце: «лета 6933-го». Это, по-видимому, древнейший датированный частный акт, в достоверности которого нет оснований сомневаться.¹² Но главная ценность акта, как и предыдущего, именно в его обычности. Перед нами одна из множества сделок на лоскут земли, совершавшихся изо дня в день между псковитинами. И такая сделка оформляется в присутствии двух послухов, удостоверяется приложением печати псковского посадника. Распространение таких сделок свидетельствует о развитии определенного рода явлений — о владении землей «по грамотам», подрывающем самую основу старых отношений между «суседями», отраженных в ст. 9-й ПСГ.

Покупателями лоскутов земли выступают не только рядовые псковитины, но и представители верхов псковского общества. К числу их относится посадник Максим, купивший у некоего Ермолы «землю» на р. Боинице.¹³ Как можно судить по рассказу его купчей, купля посадника Максима — узкий приречный участок («по три сажени мерных по обе стороны реки»), — по-видимому, земледельческое или промысловое угодье, граничащее с угодьями Спасо-Мирожского монастыря («чистый мох спасовский»).

Купчие Власия, Анфима и Максима посадника имеют то общее, что объектом сделки в них являются отдельные пахотные

¹¹ Например: «...а другая нива в Великом огороде, и третья нива в Великом огороде» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 4).

¹² Старейшая датированная новгородская грамота относится к 1466/67 г. — ГНП, № 119 (данная грамота Устиньи Осиповой Спасу Нередице). Подлинность датированных обонежских актов XII—XIV вв. оспорена С. Н. Валком (ГНП, № 283, 284). См. также: Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из Архива Палеостровского монастыря. — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, с. 443—445.

¹³ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 26, с. 64. — Вероятно, следует присоединиться к мнению Л. М. Марасиновой, отождествляющей этого Максима с посадником Максимом Ларионовичем и датировавшей грамоту годами упоминания последнего в Псковской летописи (там же, с. 93).

участки или угодья, не составляющие целого хозяйственного комплекса. Другой характер имеет купчая Антона.¹⁴

Первый элемент ее первой клаузулы: «Се купиша Антоне з братью...» — свидетельствует, что в качестве покупателя выступает не одно лицо, а целая группа лиц, связанных родственными отношениями. Состав группы выясняется из третьей клаузулы — это трое братьев: Антон, Мануил и Яков. Перед нами, возможно, та неразделившаяся после отца семья, о которой говорит Псковская судная грамота.¹⁵ Не исключено, однако, что братья-покупатели не «живут в одном хлебе», а просто сложились для покупки земли. Во всяком случае, в акте коллектив сибров-родичей — на одном из этапов своего существования.

Продавцом земли является некий Яким, о котором больше ничего не говорится.¹⁶

Наиболее значителен по содержанию третий элемент первой клаузулы: «... село земли оромую, и хороме, и зородье, и жердье, и весь запас сенные». Перед нами уникальный случай перечисления состава «села». В состав «села» входит прежде всего «земля орамая», что подчеркивает земледельческий характер «села». Принадлежностью «села» является «хороме» — жилой дом. Именно это, по-видимому, и отличает «село» от просто «земли». ¹⁷ «Село» продается со всеми хозяйственными припасами: «зородьем» — сеном в стогах (и, может быть, сжатым, но не свезенным хлебом), «жердьем» — заготовленным строительным материалом, «всем запасом сенным». Однако ничего не говорится об угодьях. Трудно представить себе продажу только одной папши, без тянущих к ней угодий. Поэтому не исключено, что под «жердьем» и «запасом сенным» в данном случае следует понимать не только уже готовую продукцию, но угодья, на которых она заготавливается, т. е. тянущие к «земле орамой» пожни и лесные участки, составляющие вместе с ней единый хозяйственный комплекс. Дополнительные сведения о составе «села» находим во второй клаузуле: «а по той земле и борть стародет и ново-

¹⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 7, с. 51.

¹⁵ «А который вятший брат с меньшим братом живучи в одном хлебе...» (ст. 94), «а который меньший брат или братань живучи в одном хлебе с вятшим братом или з братом...» (ст. 95).

¹⁶ Может быть, это тот Яким, о котором как о соседе говорится в меновой грамоте попа Филиппа. (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 6). Это тем более возможно, что оба акта входят в один и тот же комплекс документов (дело помещика Алексея Коптева), связанных, очевидно, с близко расположенными местами. Если так, то можно установить приблизительно местоположение купчи Антона: она находится среди земель, известных из меновой и нанесенных на карту у Л. М. Марасиновой (там же, с. 104, 124).

¹⁷ В своем комментарии к псковским актам Л. М. Марасинова справедливо отмечает: «... в тех случаях, когда речь идет о „селах“, этот термин следует понимать как участок обрабатываемой земли с различными хозяйственными постройками и, как правило, одним двором» (Новые псковские грамоты..., с. 140).

дет и пешня и пастке». В состав «села», таким образом, входят и бортные угодья.

Вторая клаузула приводит «завод той земле»: «изо мха с Офонасом кроем до Ульяниных кроев... да в ручей... до Степанове меже, со Степаном кроими да Иветове кроими до Ермолиных кроев, с Ермолюю кроими до Офонасовых кроев».

Продаваемая земля лежит, следовательно, в одной меже, в середине между землями соседей — Офонаса, Ульяны, Степана, Ивета, Ермолы. От этих земель она отделена не естественными рубежами (за исключением участка по ручью), а искусственными границами («кроими») и межой: в отличие от «нивы» Тимофея, лежащей где-то на отшибе, «село» Якима расположено в самой гуще земель деревенских владельцев. Состав владельцев совсем не такой, как в купчих Власия, Анфима или Максима посадника, — здесь нет никаких упоминаний о монастырях.

Но что представляет собой купля Антона по существу? Это участок с жилым домом, пашней, угодьями и припасами. Никаких следов проживания здесь людей, зависимых от владельца, нет. Из текста грамоты вырисовывается скорее всего владение крестьянина или мелкого вотчинника крестьянского типа, ведущего хозяйство своими руками. Находясь между землями других владельцев (возможно, таких же крестьян или мелких вотчинников), продаваемое «село» по необходимости связано с ними в хозяйственном отношении, например общими выпасами и выгонами. В руках Якима «село» было единым целым владением, переход его в руки братьев предполагает в дальнейшем возможность его раздела на жеребья при сохранении известного хозяйственного и владельческого единства.

Одна из купчих — грамота попа Филиппа — отражает сделку на такие жеребья родовой земли.¹⁸

Как видно из первой клаузулы, покупатель и продавец — братья: «Се купися Филиппа попя у брата своего у Василя у попя». Объект сделки — «земля на Камне» и «земля под Ригиною горою»,¹⁹ т. е. два участка, лежащих в разных местах, хотя и недалеко друг от друга. Эти земли — части прежнего владения отца обоих попов: Филипп покупает у Василя «его цясть опина к своей цясти». Очевидно, после смерти отца братья — сонаследники не пожелали жить «в одном хлебе» и поделили отцовскую вотчину по жеребьям так, чтобы каждому брату достался жеребей в каждой части делимой вотчины. Вместо одной мелкой вотчины появились две чересполосные: «и в пожнях его цясть, и на Луконня поли». Так образуется владение, состоящее из отдельных лоскутов, переходящих потом поодиночке к другим владельцам, как в купчих Власия и Анфима. В данном случае, однако, в руки

¹⁸ ГНП, № 343, с. 329.

¹⁹ По карте Л. М. Марасиновой — к западу от Пскова, близ речки Каменки и дороги на Ригу (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., с. 104, 124).

попа Филиппа переходят все лоскуты, вся «цять оциня» его брата.

С этой основной чертой сделки связана и главная особенность дипломатики рассматриваемой купчей — в ней полностью отсутствует вторая клаузула. Поскольку речь идет о жеребьях братьев, надобности в перечислении межей нет. Другая особенность акта — грамматическое сокращение третьей клаузулы, от которой осталось только слово «в одерень», — самостоятельного значения не имеет.

В другой купчей того же Филиппа контрагентами предпринимчивого попа выступает целая группа сонаследников: братья Хома и Микифор и их сестричич («стряничь», «строицичь») Яков.²⁰ Филипп покупает у них «землю очину их на Камне и под Ригиною горою и дедину их». Родственный коллектив, подобный тому, который мы видели в купчей Антона с братьею, здесь действует как одно целое. Сонаследники либо еще не разделились по жеребьям — лоскутам, либо сохранили известное владельческое и хозяйственное единство. Их связь с землей и между собой восходит к третьему поколению, что особо подчеркнуто в титуле их владения. Для Хома и Микифора это отчина, для их племянника Якова — дедина. Совладельцем родовой земли он может быть только как сын своей матери, сестры Хома и Микифора. Отсюда вытекает чрезвычайно важный факт — возможность наследования дочерью отцовской земли. Дочь, выходя замуж, сохраняет или получает в приданое часть отцовской вотчины и передает ее затем своему сыну. Это резко расходится с обычным правом Пространной Правды, по которому сестра при братьях лишается «задницы»,²¹ и отражает новый этап в развитии земельных отношений, свойственный эпохе Псковской судной грамоты.²² Переход земли в женские руки означает торжество индивидуальной земельной собственности — ослабление родовых наследственных связей с землей. Однако, как показывает рассматриваемый акт, такие связи не исчезают, а только осложняются, продолжая действовать как реальный фактор и в известной мере сплачивая родичей — совладельцев.²³

В состав «отчины» и «дедины» продавцов входит земля в двух участках (видимо, результат купель или разделов), «попения», дворище и «вода в реке».

²⁰ ГНП, № 342, с. 328—329.

²¹ «А оже будет сестра в дому, то той заднице не имати, но отдадять ю замужъ братья како си могут» (Пространная Правда, ст. 95).

²² Это вполне соответствует ст. 88-й ПСГ: «...помреть жена без рукописания, а оу ней останется отчина».

²³ В случае вторичной женитьбы муж теряет право владения (кормли) «отчиной» жены, умершей без рукописания. Эта отчина, очевидно, возвращается родичам жены. То же происходит и в случае замужества вдовы: по ст. 89-й ПСГ, она теряет право «кормиться» с отчины мужа, переходящей, по-видимому, к его родичам.

Дворище — дворовое место, место, на котором стоял или может быть поставлен двор, но без построек в настоящее время. Продавцы или свезли свой «хором», или имеют его в другом месте. «Вода в реке» — рыболовное угодье.

Отчина и дедина Хома и его родичей продается как целый хозяйственный комплекс. Об этом свидетельствует вторая клаузула купчей: «А куда ходил Хома и брате его Микифоря и строичиць их Якове, тута ходити Филипу попу». Форма клаузулы необычна для псковских купчих и напоминает акты Северо-Восточной Руси. Содержание ее ясно: земля продается со всем, что к ней относится, что связано с хозяйственной деятельностью продавцов. Но и на этой «земле» нет признаков каких-либо зависимых людей, каких-либо следов их жизни или участия в хозяйстве. Объект сделки — владение крестьянина или мелкого вотчинника крестьянского типа, каковыми, по-видимому, являются контрагенты.²⁴

Как и в предыдущей грамоте, формула «в одерень» в этом акте не играет роли самостоятельной клаузулы, а грамматически слита с предыдущей (в данном случае со второй). Такая черта формуляра носит случайный характер и может быть объяснена особенностями литературного стиля составителя грамоты — скорее всего самого попа Филиппа.

Обе купчие связаны между собой и составом послухов: в первом случае это «Федор Марковичь да Вашиль», во втором — «Василь поп [да] Микифорове Левковиць». «Василь поп» второй грамоты — скорее всего либо «Вашиль» первой, либо продавец земли в первой же грамоте — брат попа Филиппа. Не исключено, что и продавцы земли во второй грамоте, чьи земли лежат смежно и чересполосно с землями попов Василия и Филиппа, сами являются их родичами, потерявшими, однако, с ними непосредственную владельческую связь по «отчине» и «дедине».

Связь между обеими купчими попа Филиппа не исчерпывается, однако, единством дипломатических особенностей, персонажей и места действия. В еще большей степени эта связь проявляется в единстве самого действия. Обе купчие отражают один и тот же процесс сколачивания мелкой вотчины путем скупки рядом лежащих земель — акт, обратный явлению вотчинного распада в нисходящих поколениях, когда каждый из сонаследников получает свою «цять оциня». Возможность неограниченного отчуждения земли приводит, таким образом, не только к распаду старых вотчин, но и к появлению новых владельческих комплексов такого же мелко вотчинного типа.

Купля-продажа земельных участков происходит не только между частными лицами.

²⁴ Сельский поп относится к типичным мелким вотчинникам, о чем писал еще С. Б. Веселовский. По типу и размерам своего хозяйства он в XIV—XVI вв. весьма близок к крестьянину.

В одном из актов «Павле, староста святого Козмы и Домьяна» покупает у некоего Трофима «деревню Афонасово у Русках у Смоленского пути под церковью».²⁵

Значение старосты как полномочного представителя приходской общины, ответственного, в частности, за ее земельное имущество, известно из Псковской судной грамоты.²⁶ Из настоящего акта видно, что староста также и покупает земли для церкви: Павел выступает от лица всего прихода, заключенная им сделка — не его частное дело.

В характеристике объекта сделки обращает на себя внимание термин «деревня». Это одно из самых ранних упоминаний деревни на Северо-Западе Руси.²⁷ «Деревня» продается «со всем запасом и з жердьем», т. е., как я понимаю, с соответствующими угодьями. «Земля орамая» в составе деревни здесь не названа, но вторая клаузула начинается со слов: «а межа той земле...», следовательно, «деревня» и есть «земля» — определенный хозяйственный комплекс, в основе которого лежит пахотный участок. Остается открытым вопрос, входят ли в деревню жилые постройки («хором»). Я склонен ответить на этот вопрос утвердительно — уж очень похожа отчуждаемая деревня на «село» из разобранной выше купчей Антона: она тоже отчуждается с запасами и угодьями, представляет собой какое-то цельное владение, едва ли мыслимое в принципе без жилого двора. Отсутствие упоминания о нем может носить случайный характер или означать, что двор сам по себе не продается, а увозится бывшим владельцем.

Из второй клаузулы выясняется, что продаваемая деревня — земля примыкает к ручью, речке и «мошку» и ограждена межевыми знаками («кроими»), вероятно, от земель каких-то других владельцев, которые здесь, однако, не названы. В состав купли входит также и водяная мельница.

Отсутствие упоминаний о соседях — явление странное. Обычно соседи тщательно перечисляются: в этом перечислении, в точной фиксации границ продаваемого владения, — одна из гарантий сделки. Другая необычная черта акта — отсутствие реальных послухов: в качестве послухов названы «бог и святые Козма и Демьян». Это обстоятельство может быть объяснено характером сделки: земля покупается не для светских лиц, а для церкви, продажа земли в данном случае рассматривается как богоугодное дело, не требующее присутствия послухов. Возможно, чем-то подобным объясняется и отсутствие имен соседей: не будут же они, прихожане, затевать тяжбу о земле с собственной церковью.

²⁵ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 16, с. 58.

²⁶ «...идти на суд старостам за церковную землю» (ПСГ, ст. 70).

²⁷ Еще недавно считалось, что слово «деревня» появляется в псковских актах только в XVI в. См.: Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.—Л., 1965, с. 118.

В этой связи любопытно, что купля расположена «под церковью», т. е. в непосредственной близости от нее, под ее стенами. Может быть, и цель сделки — купить землю для устройства, возобновления или расширения самой церкви. Во всяком случае приобретение земли для приходской церкви — дело всей общины, а следовательно, и ближайших соседей церкви. Этим коллективным характером сделки и объясняются, возможно, отмеченные особенности акта.

Объекты сделок Антона, попа Филиппа и старосты Павла — «село» или деревня, целый хозяйственный комплекс, включающий пашню и угодья и éventуально жилые постройки. Характерная черта этих сделок — отсутствие в них намеков на зависимых людей и их хозяйства. Продаются и покупаются, в сущности, крестьянские участки, рассчитанные на обработку самим владельцем. Продавцы и покупатели, по-видимому, и являются такими владельцами, собственными руками ведущими свое хозяйство, без чьей-либо постоянной существенной помощи. Это деревенские жители, крестьяне или мелкие вотчинники крестьянского типа. Однако это уже не те «соседи», о которых идет речь в ст. 9-й ПСГ. Их право на землю основано не на традиции, не на памяти соседей-общинников, а на формальной сделке, на грамоте, соответствующим образом составленной и заверенной. Их отношения друг с другом и с общиной — сельской или приходской, членами которой они являются, — качественно отличаются от патриархальных отношений между «соседями» в старой общине. Причина этих отличий — развивающийся процесс укрепления индивидуальной земельной собственности в деревне, приводящий к ослаблению и перестройке внутриобщинных связей. Но, становясь полными собственниками своих купель по грамотам, мелкий вотчинник крестьянского типа сохраняет свое основное социально-экономическое качество — он остается прежде всего непосредственным производителем на своей земле.

Одной из наиболее трудных для понимания является купчая Григория и Федора на землю сельских смердов.²⁸ Л. М. Марасинова обратила на этот документ особое внимание и снабдила его содержательным и интересным комментарием.²⁹ По ее мнению, грамота «запечатлела момент перехода свободных смердов-общинников в зависимое состояние» путем продажи своей земли. При этом общинная администрация — сельские старосты — выговаривает себе особые привилегии: «...кормится... по земли и по воде доколе племя их». Право кормления с проданной земли, очевидно, не предоставлялось другим членам общины, замечает по этому поводу Л. М. Марасинова.

Обратимся к тексту документа. Покупатели — двое братьев. В существующем списке XVII в. начало первой клаузулы чита-

²⁸ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 19, с. 59—60.

²⁹ Там же, с. 155.

ется: «...купиша Григоре у братии его Федора», что, очевидно, неверно — далее в трех местах Григорий и Федор фигурируют оба как покупатели земли.

Сложнее обстоит дело с продавцами. В списке грамоты соответствующая часть первой клаузулы читается так: «...у Якова, и у Ермола, и у Радиона землю и воду и прикупки их в Лисьях, и у старосте у Радиона и у всего погоста у сельских смердове».³⁰ Кто же является продавцом: первые три лица (Яков, Ермола и Родион) или староста Родион и «весь погост», сельские смерды? Далее идет текст: «...смердью землю, и воду, и полтретьянадцата места, и пожня, и прикремы, и пень, и колоду, и полесья, куда смерди сельские ногою стали, Яковя, и Ермола, и Радивоня, и весь погост их, по земли, и по воде, и по пожням».

Таким образом, первая клаузула документа необычайно сложна и в грамматическом, и в смысловом отношениях. Ее второй и третий элементы перемешаны между собой и состоят в совокупности как бы из двух слоев: 1) от слов «у Якова» до слова «в Лисьях», 2) от слов «и у старосте...» до конца цитированного текста. Можно подумать, что каждый слой отражает отдельную, самостоятельную куплю: 1) у названных трех лиц — на землю, воду и прикупки; 2) у старосты и у всех смердов — на смердью землю и воду, «полтретьянадцата места» и т. д. В таком случае Яков, Ермола и Родион не относятся к тем «сельским смердам», которые выступают во главе со своим старостой и продают «полтретьянадцата места». Более того, эти смерды продают всю свою землю — «куда... ногою стали». Однако такому пониманию текста мешает повторение имен Якова, Ермола и Родиона во втором слое: «... смерди сельские ногою стали, Яковя, и Ермола, и Радивоня, и весь погост их...».

Таким образом, Яков, Ермола и Родион — это и есть «сельские смерды», а не лица, заключающие какую-то самостоятельную сделку, — сделка в купчей одна.³¹ Тогда естественно возникают два вопроса: кто же является продавцом и что он продает? Почему так необычна структура первой клаузулы? Попробовать найти ответ на эти вопросы можно, только разобрав все содержание документа.

Непосредственно после приведенного текста следует фраза: «А то Григоре и Федору в одерень», — соответствующая обычной третьей клаузуле купчих. Затем идет обычная вторая клаузула: «А завод той земли и воде: от плава по Дубовизскую между и по

³⁰ Местоположение объекта сделки — на западном берегу Псковского озера, километрах в 25 от Пскова. См. карты, составленные Л. М. Марасиновой, и ее географический комментарий. — Новые псковские грамоты... с. 112, 124.

³¹ По мнению Л. М. Марасиновой, Яков, Ермола и Родион — старосты смердией общины. Однако грамота называет старостой только Родиона, упомянутого отдельно от названных трех лиц. Поэтому думаю, что староста Родион не тождествен Родиону, упомянутому рядом с Яковом и Ермолой.

мху около беревиц, меж беревец игришке да по мху в Визу руче; из Визу в Коломенской переезд да в озеро около Рыбыни; по озеру до дубу довисская межи до плава». Отчуждаемая земля окружена, таким образом, ручьями, мхами и болотами и только в одном месте граничит с какой-то жилой (?) землей. Особое значение имеет вторая часть этой клаузулы: «А в том ободе чюжая земля, что Григорью и Федору не надобе». Значит, «завод» охватывает не только куплю Григория и Федора, но и какие-то другие участки.

Проданная земля, следовательно, лежит не сплошным массивом, не в одной меже (как можно было бы подумать на основании «завода», обводящего ее кругом, от «плава» до «плава»), а чересполосно с владениями других лиц. Такая конструкция купли заставляет снова обратиться к первой клаузуле, согласно которой Григорий и Федор купили «полтретьенадцата места». Что такое «место»? Ответ на этот вопрос находим в некоторых псковских актах. При размене земли Юрьевщины на Камне между соседями одному из них, игумену Спасо-Мирожского монастыря, «досташася... у сести мест первое место на Ригине горе, а другое за Великою могилою... а третье за сосновым болотцем... а четвертое у Кривых нивах... а шестое подле Колотиловичь».³² Когда поп Филипп менялся с Мелемьяном «нивами на Камне», последнему в числе прочих нив достались «четвертое место конец Долгово поля... и в пятом месте в Кривом путь».³³ Таким образом, в понимании псковских актов «место» — это отдельный компактный участок, окруженный землями других владельцев, в частном случае — кон при разделе общего владения. Такие отдельные участки, а не сплошной массив земли, и купили Григорий и Федор. Именно поэтому и необходима оговорка, ограждающая от них «чюжую землю», лежащую рядом с этими участками.

Вслед за этой клаузулой идет особое условие сделки: «А Якову, и Ермоле, и Родиону седець имянно и детем их и внучатам их от Григория и от Федора; кормитися им и по земле, и по воде, доколе племя их».

Мне представляется, что ключ к пониманию основного социально-экономического содержания акта — именно в этой необычной формуле. Однако интерпретация этой особой четвертой клаузулы в связи с текстом всего документа вызывает известные трудности.

Из лиц, упомянутых в первой клаузуле, в четвертой названы только трое. Сюда не попали ни староста Родион, ни «весь погост, сельские смерды». Особое условие купчей их, очевидно, не касается. Чем это можно объяснить? Л. М. Марасинова считает, что в качестве продавцов выступает вся община, продающая все

³² Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 3, с. 48.

³³ Там же, № 4, с. 49.

свои земли: в результате этого акта «община как самостоятельный и свободный коллектив крестьян — смердов прекратила свое существование». Такая интерпретация сделки основана, очевидно, на «втором слое» первой клаузулы, действительно создающем впечатление продажи всем погостом всей своей земли. Однако такой трактовке противоречит ряд других мест документа. Во-первых, как мы видели, «первый слой» совершенно отчетливо называется продавцами Якова, Ермолу и Родиона, а объектом сделки — «земли, и воду, и прикупки их». Речь, следовательно, идет об отдельных конкретных лицах, владеющих конкретными землями, в том числе и «прикупками» — результатами частных сделок. Во-вторых, тот же «второй слой», в котором упоминается «весь погост» и т. д., содержит указание на «полтретьенадцата места» как на объект продажи. Само по себе не очень ясное, это указание находит подтверждение во второй клаузуле, из которой вытекает чересполосный характер проданной земли, т. е. деление ее именно на отдельные «места». В-третьих, трудно себе представить, чтобы весь погост состоял только из двенадцати с половиной «мест». Наконец, в-четвертых, в последней клаузуле, особом условии сделки, упомянуты только три первых названных лица, продающих «землю, и воду, и прикупки».

На основании всего этого можно предложить несколько иное толкование акта.

Продавцами земли являются только Яков, Ермола и Родион; они продают «землю, и воду, и прикупки» — в общей сложности «полтретьенадцата места». Эти лица, однако, являются членами погостской смердьеи общины, поэтому они продают не только собственные свои участки, но и доли во всех общинных угодьях — «куда смерди селские ногою стали». Этим же объясняется упоминание старосты Родиона и «всего погоста» — сделка, касающаяся общинных земель, совершается при участии всех «сельских смердов», однако они не продавцы, а лица, санкционирующие продажу. «Места», составлявшие собственность продавцов, лежат вперемежку с землями других владельцев, в первую очередь других членов погостской общины. Отсюда ограничительная формула второй клаузулы. Наконец, заключительное условие сделки касается именно продавцов — оно, естественно, не распространяется на других членов погостской общины. На последнем условии необходимо остановиться подробнее.

Основное его содержание — установление особых отношений между продавцами и покупателями. Согласно условию, продавцы потомственно «селят» и «кормятся» «по земле и по воде». Что означает термин «сидеть»? В Псковской судной грамоте он применен по отношению к изорнику — человеку, сидящему на земле «государя». По нормам средневекового права, из самого факта проживания на чужой земле с необходимостью вытекает возникновение определенных отношений зависимости от владельца этой земли. Форма и характер этой зависимости могут быть различны.

В этом смысле показательна ст. 51-я ПСГ, различающая проживание на селе без «покруты» от «седения», связанного с покрутой.³⁴ Проживание на чужом селе не обязательно связано с покрутой, но оно создает общие условия, благоприятствующие и этому вторичному явлению. Таким образом, «седение» на чужом селе может рассматриваться по существу дела как один из этапов и одна из форм установления зависимости — зависимости поземельной, а не долговой, как у изорника, получившего покруту.

С условием «сесть» на земле тесно связано и условие «кормиться». Согласно Псковской судной грамоте, кормля, — это право на получение доходов с имущества без распоряжения самим этим имуществом.³⁵ Псковские акты тоже знают этот термин.³⁶ Таким образом, «кормля» — условное держание имущества, прежде всего земли. Как видим, термин «кормля» покрывает широкий круг явлений: от отношений между членами одной семьи до коллизии, возникающей между продавцом и покупателем при продаже земли.³⁷ Ясно, что социально-экономическая сущность отношений кормли весьма различна во всех этих случаях. Кормля жены с отчины или живота мужа имеет, конечно, совсем другой смысл, чем кормля смердов, потомственно сидящих на своих бывших участках, проданных ими в чужие руки. Кормля таких смердов может приближаться — если не по форме, то по существу — к положению крестьян, попавших в поземельную зависимость от господина. Во всяком случае превращение прежних собственников в наследственных держателей земли господина означает существенное изменение их правового статуса и не может не включать в себя ту или иную степень зависимости от господина. При прекращении этих отношений с господином земли держатели ее, естественно, лишаются средств к существованию — своих бывших участков, с которых они теперь «кормятся» в вотчине господина. В этом, как мне кажется, и заключается социально-экономическая сущность особого условия, завершающего сделку.

Если это так, то перед нами ситуация, тесно связанная со ст. 10-й и 106-й ПСГ и как бы иллюстрирующая их на частном, но ярком примере. Продается земля членов погостской общины, на нее оформляется грамота, среди прежних «соседей»-погощан появляется новый собственник — грамотчик. Мы видим самую первичную завязь отношений зависимости по земле. Продавцы,

³⁴ «А коли изорник имет заператися от государя покруты, а молвит так оу тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват, ино на то государю тому поставить люди... а тым людям сказати... как чисто на селе седел... а толко государь не поставит людей на то, что изорник на селе седел, ино... покруты... не доискался» (ПСГ, ст. 51).

³⁵ ПСГ, ст. 72, 88, 89.

³⁶ «А что писана Игнатью... кормля племянником иво» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... № 25 и др.).

³⁷ Нельзя поэтому согласиться с Л. М. Марасиновой, что кормля ограничена только «рамками семейно-родственных отношений» (Новые псковские грамоты... с. 127).

бывшие равноправные «суседи»-погощане, остаются на своих участках в вотчине господина, «седят» и «кормятся» без права распоряжения землей. Их не сгоняют с земли, они сохраняют право пользования ею. Но именно это право и превращает их в зависимых держателей. Вторжение феодала не может не отразиться и на судьбе других земель погоста: проникновение грамотчика в общинные угодья создает ситуацию, близкую к той, которая отражена в ст. 106-й ПСГ. Однако на данном этапе погостская община в Лисьях продолжает свое существование как организация относительно свободных «суседей»-смердов — персонажей ст. 9-й и 106-й ПСГ. Сложность социально-экономических отношений, отраженных в грамоте, проявляется в сложном, необычном ее формуляре.

С районом дер. Лисьей связана и купчая некоего Никона «у старосте у Кирилка, и у Федора, и во всех сосед у святого Георгия». Объектом сделки здесь являются «два места вода в Лисьях и сиденье и запас дву мест».

В качестве продавца здесь, таким образом, выступают не отдельные лица, а вся соседская община во главе со своим старостой. Это, вероятно, та самая община, три члена которой продали в предыдущем акте свои «полтретьенадцата места». Из рассматриваемого акта видны некоторые новые черты этой общины. Так, наша купчая называет жителей дер. Лисьей не «смердами», а только «соседями». Так как, по-видимому, оба акта принадлежат к одному и тому же ограниченному отрезку времени,³⁸ то можно предположить, что «смерды» купчей Григория соответствуют «соседам» купчей Никона: это одни и те же лица. Следовательно, термины «смерд» и «сосед» в данном случае равнозначны. Сельские смерды образуют общину, члены которой друг для друга являются «соседями» — совсем в духе ст. 9-й ПСГ. Эта община соседей-смердов образует церковный приход св. Георгия. Неясно, является ли «староста Кирилка» погостским или только церковным старостой.

Существенное значение имеет третий элемент первой клаузулы. «Место» в данном случае, — по-видимому, отдельный участок со всем, что к нему тянет. Особенно важен термин «сиденье». Этот термин встречается только в псковских актах,³⁹ будучи этимологически связан с глаголом «сесть», известным из Псковской судной грамоты. Что же означает этот термин?

Псковский вотчинник Никита Хов в своей духовной перечисляет свою недвижимость: «... село свое на Выбуте Кужасово сиденье... село мое Кустово сиденье». Но у него есть также с. Внит-

³⁸ В. Л. Янин, по данным сфрагистики, относит их к 1425—1469 гг. (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., с. 174).

³⁹ Встречается он и в некоторых писцовых материалах, связанных с Северо-Западом. Сводку их см.: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 95 («деревня... сиденье»).

ничи, которое он «седеньем» не называет.⁴⁰ Княгиня Акилина в духовной пишет: «... село мое семеи дворь... Самоухново седенье... два двора: Данилово седенье и Харитоново седенье... два двора на Поукнеи: Микитино седенье да Дихова седенье... село мое за Островом Фларево седенье». Наряду с этим у княгини тоже есть село, не именуемое «седеньем»: «село мое на Кеби».⁴¹ Не называет свое село «седеньем» и Ульяна, которая «ходя при своем животу учиних ряд» своему имуществу, в том числе и «селу своему, что на Кухве в овсицах».⁴² Как мы видели выше, не называют «седеньем» свои села и мелкие вотчинники типа попа Филиппа. По раздельной на отчину Захарья Костина «досташася другая часть св. Духу в Иглин монастырь да св. Михаилу в Мирожу: Кузмино седенье два двора. А ободень селом обама по старым межам».⁴³

Таким образом, взаимоотношение между селом и «седеньем» не однозначно. «Седенье» иногда равнозначно селу, иногда — двум селам. Иногда соотношение между этими терминами не прослеживается. Вероятно, как об этом свидетельствует и Псковская судная грамота, термин «село» служит наиболее общим обозначением поселения. «Седеньем» же оно называется, по-видимому, в тех случаях, когда на нем живет («седит») непосредственный производитель — крестьянин, в частном случае — зависимый от землевладельца. Как правило, «седенье» соответствует одному крестьянскому участку — двору, но возможно появление и двухдворных «седений», которые тогда могут быть разделены на два «села» (раздельная на отчину Захара Костина). Вполне возможно, что название «седенье» оставалось за деревней и после ухода из нее крестьянина, превращаясь, таким образом, в собственное имя поселения.

По наблюдениям Л. В. Черепнина, «„салятся жить“ крестьяне обычно на пустоши, а „живут“ в селах и деревнях». В то же время он приводит случаи, когда термины «село» и «седенье» равнозначны.⁴⁴ Эти последние примеры вполне соответствуют терминологии псковских актов.

Л. М. Марасинова отметила, что «термин „седение“ употребляется в тех документах, где речь идет о владельцах нескольких участков земли, расположенных в разных районах... является очевидным, что владелец не обрабатывал этой земли собственным

⁴⁰ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 30, с. 69.

⁴¹ Там же, № 33, с. 72—73.

⁴² Там же, № 34, с. 74. — Об имени Ульяны см.: Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты), с. 139, прим. 37.

⁴³ Там же, № 28, с. 67.

⁴⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960, с. 213—214.

трудом».⁴⁵ К этому наблюдению издателя «Новых псковских грамот» следует присоединиться. Однако едва ли можно последовать за Л. М. Марасиновой, когда она отсюда делает вывод, что «в XIV—XV вв. земля отчуждалась владельцами, вместе с сидящими на ней зависимыми людьми — изорниками».⁴⁶ Актовый материал не дает, на мой взгляд, оснований для такого вывода. Еще более существенно, что основной источник об изорнике — Псковская судная грамота — подчеркивает возможность его легального ухода от «государя» в Филиппово заговенье (14 ноября).⁴⁷ Повидимому, элементы поземельной зависимости изорника от «государя» не переросли еще в его прикрепление к земле. Следовательно, говорить о возможности отчуждения земли вместе с изорниками для XIV—XV вв. еще рано.

Если эти соображения правильны, то они дают нам ключ к пониманию сущности рассматриваемого акта. В отличие от всех разобранных выше купчих здесь перед нами сделка на крестьянский участок, отчуждаемый общиной «соседей». Эта община, таким образом, не только санкционирует сделку своих членов с третьими лицами, как и в купчей Григория и Федора, но и распоряжается опустевшими участками-деревнями.⁴⁸

Особенностью формуляра акта является отсутствие второй клаузулы — о межах. Чем это объясняется — сказать трудно. Возможно, переписчик XVII в. просто сократил документ, опустив описание межей. Возможно и другое объяснение: купчая сопровождалась составлением особой межевой грамоты — типа разводных, известных из актов Северо-Восточной Руси.

У купчей — трое послухов, имя последнего (Вданья Дермич) читается с трудом. Первый послух — с «вичем» (Гурьи Бектуевич). Наличие «вича» само по себе не определяет социального лица его носителя, но в данном случае может быть связано со служебным положением послуха.

Суть отношений, отраженных в акте, — приобретение Никоном крестьянской деревни. Кто такой Никон — член этой же общины или пришелец со стороны — неизвестно. Но сам по себе факт приобретения им сразу целой деревни путем формальной сделки с общиной примечателен. Возможно, перед нами один из моментов сколачивания мелкой вотчины крестьянского или феодального типа. Социальное лицо покупателя и его дальнейшие перспективы не ясны из акта, но отличие его от «всех соседей», продаю-

⁴⁵ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , с. 153.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ПСГ, ст. 42.

⁴⁸ Ср.: Алексеев Ю. Г. 1) Аграрная социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, с. 27; 2) Черная волость Костромского уезда XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 75; 3) Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 77, 81.

щих ему общинную деревню, достаточно заметно. Как и в предыдущем акте, здесь мы видим вторжение грамотчика в патриархальный мир «соседей» статьи 9-й ПСГ.

В купчей Игнатия Иголки покупатель назван по имени, отчеству и прозвищу: Игнатей Федорович Иголка.⁴⁹ Продавцами здесь являются Филипп Петрович и его «братан»; в дальнейшем Филипп дважды назван без отчества, а «братан» его — уменьшительным именем Матруня. Покупатель сохранил свое отчество в третьей клаузуле, хотя выше в тексте назван один раз просто Игнатием. Этот Игнатий Федорович известен псковским летописям: осенью 1473 г. он едет послом от Пскова к великому князю, 1 октября встречается Ивана III в Острове и имеет с ним официальную беседу.⁵⁰ В одном из актов он выступает в качестве посла вместе с посадником: «А на то люди посадник псковский Максим Ларионович да Игнатей Иголка с Торгу».⁵¹ По наблюдениям Л. М. Марасиновой, купеческая фамилия Иголкиных была известна в Пскове и в XVI в.⁵² Таким образом, покупатель в рассматриваемой купчей явно принадлежит к верхам псковского общества. Наименование его с «вичем» в данном случае не случайно.

Наиболее содержателен третий элемент первой клаузулы. Игнатий Федорович покупает у продавцов [1] землю в Колбежицах и в Онахнове седенье, их четвертую часть к своей четвертой части; [2] на Березовке — их половину земли к своей половине; [3] на Кудени — половину пожни к своей половине; [4] и в Жеремешках — половину их пожни к своей половине. Таким образом, покупаемая Игнатием «отчина» продавцов, во-первых, состоит из отдельных участков, расположенных, по-видимому, некомпактно. Во-вторых, она включает в свой состав деревню зависимого человека (Онахново седенье). В-третьих, эта отчина повсюду граничит с землями самого покупателя. Создается впечатление, что покупатель и продавцы являются совладельцами в общей вотчине, разделенной на жеребья по конам. Купля Игнатия Иголки до известной степени ликвидирует эту владельческую чересполосицу, при этом, однако, «земля» в Колбежицах сосредоточивается в руках покупателя только наполовину. Что же происходит со второй половиной? Ответ на этот вопрос содержится в особой клаузуле документа: «А что писана Игнатью половина в Онахнове сиденье кормля племянником иво, а что другая половина писана святей Богородицы в Онахнове седенье, ино то Игнатью уведать, а Филипу и Матруне в то не вступатца по богородитцкому выписку ис Колбежиц».

Таким образом, Онахново седенье делилось до купли Игнатия на четыре части: одной владел сам Игнатий (видимо, в качестве

⁴⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... № 25, с. 63—64.

⁵⁰ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 194.

⁵¹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты... № 23, с. 62.

⁵² Там же, с. 93.

отчины), другая составляла отчину Филиппа и его двоюродного брата, третья, принадлежавшая прежде племяннику Игнатия, была «писана» ему (т. е., очевидно, завещана в рукописании) в качестве пожизненного владения без права распоряжения, четвертая «писана» (вероятно, тоже кем-то завещана) местной приходской церкви. Онахново седенье — давняя родовая вотчина, в которой имели доли отец Игнатия Иголки Федор (от него одна четверть вотчины перешла к сыну Игнатию, а другая — к другому сыну или дочери, чтобы потом из рук племянника Игнатия вернуться к нему в качестве кормли) и дед Филиппа и Матруни. Именно между ними и была, видимо, первоначально разделена пополам вотчина их, надо полагать, общего родоначальника, которому Игнатий приходится внуком, а Филипп и Матруня — правнуками. Если это так, то Игнатий покупает родовую землю у обоих двоюродных племянников, а их общий предок, первоначальноный владелец «Онахнова седенья», жил где-то во второй половине XIV в. Наша реконструкция носит, конечно, характер гипотезы — подлинная история Онахнова седенья могла быть и иной. Но во всяком случае перед нами факт дробления родового имущества, проявляющийся в делении деревни на четверти (а также в делении пожен и других угодий), и попытка противодействовать этому процессу путем скупки частей раздробившейся вотчины. Скорее всего именно на одном из этапов перехода родового имущества по наследству произошла передача части вотчины в собственность церкви — по «писанию» одного из вотчинников. «Богородицкий выписок ис Колбежиц» — это, как мне кажется, выписка из соответствующего рукописания, касающаяся вклада в церковь.⁵³ Если Онахново седенье и включало в себя более одного двора, то все же четвертая часть этой деревни должна быть очень небольшим владением: во всех этих сделках идет речь о жеребьях, о лоскутах земли, составляющих в совокупности одну прежнюю деревню.

Согласно второй клаузуле, «обод той земле на Березовке и пожня по старым грамотам». Продаваемые участки не раз переходили из рук в руки, при этом составлялись соответствующие грамоты — характер взаимоотношений между вотчинниками типа Игнатия и Филиппа и их родичами совсем не такой, как у тех, кто «стражет и владеет... землею или водою лет 4 или 5», по нормам ст. 9-й ПСГ. В этом акте — не крестьяне или мелкие вотчинники крестьянского типа, а настоящие феодалы, хотя и не крупного масштаба.

Послухов в акте двое — Семен Рубелка, которого Л. М. Марасинова довольно основательно считает представителем псковского боярства,⁵⁴ и Иван — дьяк.

⁵³ Примером такой выписки может служить выписка из духовной посадника Федора (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 18, с. 59).

⁵⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., с. 92.

Таким образом, купчая Игнатия Федоровича Иголки отражает сделку на землю между феодалами. Эта особенность ее повлияла и на некоторые черты формуляра: покупатель и продавец названы с «вичами», в качестве послухов фигурируют представители псковских властей.

* * *

Если Псковская судная грамота содержит некоторые общие нормы земельного права Пскова, то актовый материал XIV—XV вв. отражает повседневную практику земельных сделок, т. е. историю земельных отношений как таковую.

Поэтому изучение сохранившихся псковских земельных актов представляет большой интерес и в теоретическом плане — с точки зрения исследования влияния норм Псковской судной грамоты на земельные отношения, и в практическом — для изучения самих этих отношений.

Из всех актов на землю купчие имеют особое значение. Именно в них наиболее полно и четко выражается право распоряжения землей — неотъемлемая и существенная сторона права собственности на землю. Псковские купчие грамоты отражают важные черты социально-экономических отношений в псковском обществе XIV—XV вв. Юридические нормы купчей сделки однородны — во всех известных случаях земля отчуждается «в одерень», т. е. в полную собственность покупателя. В действительности, однако, купчие сделки покрывают весьма различные социальные явления. Приобретение земли феодалами друг у друга, вторжение феодала в соседскую общину смердов, сколачивание мелкой вотчины крестьянского или феодального типа — все эти аспекты живой жизни, реальной истории псковского общества находят свое отражение в клаузулах купчих грамот. Социально-экономическая сущность всех этих разнообразных явлений на изучаемом этапе — дальнейшее развитие феодальных отношений в Псковской республике с ее своеобразными формами политического и общественного устройства.

Купчие грамоты Пскова связаны с нормами Псковской судной грамоты не формально, а по существу отраженных в них отношений. Они рисуют оба типа земельных владений, известных Псковской судной грамоте, — основанное на традиции владение членов сельской общины — «соседей» и вотчину грамотчиков. Среди последних купчие позволяют различить нижний слой, на уровне мелких вотчинников крестьянского типа, и верхний — псковских феодалов.

Акты свидетельствуют, таким образом, об относительно сложной структуре псковского феодального общества и в этом отношении существенно дополняют и расширяют картину, рисуемую Псковской судной грамотой. В юридическом отношении «свободные крестьяне-общинники не занимали какого-то особого, отличного от других категорий свободного населения положения

в псковском обществе. Не было необходимости фиксировать какие-то их права, подобно тому как не зафиксированы особые права псковских бояр, торговцев, ремесленников, земцев». ⁵⁵ Действительно, Псковская судная грамота знает только одну основную категорию — свободного псковитина, который, очевидно, и является персонажем большинства статей этого памятника, фигурируя в них как безличный «кто». Хотя в некоторых статьях этот псковитин расслаивается на «государя» и «изорника», все же процесс социальной стратификации псковского общества, существенно важный для феодального классовобразования, — выделение слоя землевладельцев, владеющих населенной землей, остается в основном за пределами псковского законодательного кодекса. Тем большего внимания заслуживают следы этого процесса, которые просматриваются в немногих дошедших до нас актах.

Для исследователя социально-экономической истории Руси XIV—XV вв. весьма важно отметить, что псковские купчие отражают, по существу, те же процессы, какие можно наблюдать и в других районах Русской земли. В псковских купчих грамотах мы встречаемся с теми же персонажами и видим те же явления, которые нам в принципе знакомы по актам Северо-Восточной Руси. Крестьянская община, составляющая некое поземельное целое — совокупность крестьянских участков, мелкий вотчинник, скупающий такие участки, феодал, вторгающийся в земли волости, — эти и подобные черты социальной действительности XIV—XV вв. можно проследить, например, на материалах Переяславского уезда ⁵⁶ — одного из центральных уездов страны, непосредственно никак не связанного с Псковской землей и с ее спецификой. Эта специфика Псковской земли проявляется главным образом в отсутствии сильной княжеской власти и крупного феодального землевладения бояр и монастырей. Вероятно, права Л. М. Марасинова, утверждающая, что «Псковская земля в XIV—XV вв. представляла собой пеструю мозаику мелких и мельчайших участков земли, принадлежавших различным владельцам». ⁵⁷ Тем более важно констатировать тот факт, что, несмотря на наличие этих существенных особенностей, процесс развития феодальных отношений в Псковской земле и в Северо-Восточной Руси идет в своих основных чертах по одному руслу, порождая однотипные социальные явления.

⁵⁵ Там же, с. 156.

⁵⁶ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966, с. 2—3, 49—52, 97—99 и др.

⁵⁷ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., с. 141.